

РОБЕРТО
САВИАНО
**ОДИНОЧЕСТВО
СМЕЛЫХ** РОМАН
О ДЖОВАННИ
ФАЛЬКОНЕ

Перевод с итальянского
Натали Рашковской

phantom press

Москва

УДК 821.131.1
ББК 84(4Ита)
С13

SOLO È IL CORAGGIO: GIOVANNI FALCONE IL ROMANZO, ROBERTO SAVIANO

Copyright © 2022, Roberto Saviano

Все права защищены. Любое воспроизведение, полное или частичное, в том числе на интернет-ресурсах, а также запись в электронной форме для частного или публичного использования возможны только с разрешения владельца авторских прав.

Книга издана при содействии The Wylie Agency LTD.

Перевод с итальянского Натальи Рашковской

Редактор Игорь Алюков

Оформление обложки и макет Андрея Бондаренко

Роберто Савиано

С13 Одиночество смелых: Роман о Джованни Фальконе / Пер. с итал. Н. Рашковской. — М.: Фантом Пресс, 2025. — 528 с.

Взрыв пронзает сельскую тишину Корлеоне. Юный Тото Риина видит, как гибнут его родные, пытающиеся добыть взрывчатку из бомбы, оставшейся после войны. Грохот этого взрыва знаменует начало целой эры. Люди шепотом называют новую силу мафией, “Коза нострой” (“Наше дело” на сицилийском диалекте), деревенщина начинает теснить столичный криминал, и вскоре вся Сицилия замирает в страхе перед жестоким террором. Убийства следуют одно за другим, в городах и деревнях, на побережье и в самом центре острова. Мафия объявляет войну не только конкурентам, но и властям, и прежде всего тем, кто пытается бороться с ней. Карабинеры, полицейские, прокуроры и магистраты (следственные судьи) — все оказываются под безжалостным прицелом тех, для кого убийство — рутина. Но взрыв породил и другую силу — мужество и упорство, которые олицетворяют Джованни Фальконе и его единомышленники. В 1960-е на Сицилии начинается яростное противостояние закона и преступности, которое позже охватит всю Италию. История великого борца с мафией, Джованни Фальконе, истинного героя Италии, рассказана одним из лучших итальянских писателей, автором мирового бестселлера “Гоморра”.

Роберто Савиано — один из самых значительных итальянских авторов сегодня, его документальный роман “Гоморра” переведен почти на 50 языков. Неаполитанская преступная организация каморра приговорила писателя к смерти, уже почти десять лет он вынужден жить под охраной, на него подавали в суд Сильвио Берлускони, бывший тогда главой правительства Италии, министр внутренних дел и без счета чиновников рангом пониже — за последовательную борьбу с коррупцией на юге Италии.

ISBN 978-5-86471-991-6

© Наталья Рашковская, перевод, 2025

© Андрей Бондаренко, оформление, макет, 2025

© “Фантом Пресс”, издание, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

1. ПЛАМЯ	13
2. ВЕСЬ ПРАЗДНИК ИСПОРТИЛ	18
3. ЗАПИСКА	31
4. ДЛИННАЯ ЭСТАФЕТА	38
5. ЗАЛОЖНИК	42
6. СУД МЕРТВЫХ	47
7. АМЕРИКАНСКИЙ КОП	50
8. БАНКА С ЧЕРВЯКАМИ	68
9. ОБЩЕСТВЕННОЕ ЖИВОТНОЕ	75
10. ДЖЕНТЛЬМЕНСКАЯ ДУэль	84
11. КОГО ПРИЗОВУ В ЗАЩИТНИКИ	94
12. НЕСЧАСТНА ТА СТРАНА, ЧТО НУЖДАЕТСЯ В ГЕРОЯХ	104
13. СЛОВНО МОЗАИКА	112
14. ОСОБЫЕ ПОЛНОМОЧИЯ	120
15. СРЫВАТЬ РОЗЫ	125
16. ЛИЧНАЯ ЖИЗНЬ	133
17. ГЕРОИН	138
18. ПОДСАДНОЙ	146
19. МЕЧТЫ	175
20. НЕГДЕ УКРЫТЬСЯ	181
21. КРАТЕР	184

22. МОНАХ	187
23. НЕМНОГИЕ ДРУЗЬЯ	192
24. ВПЕРЕД	201
25. ДОН МАЗИНО	206
26. СОЗВУЧИЕ	215
27. НИННИ	223
28. СЖИГАТЬ СВЯТЫХ	230
29. ОДНИ	234
30. МАКСИ	242
31. НОСИЛЬЩИК ПОРТФЕЛЯ	252
32. ДИ ФРЕСКО ДЖУЗЕППЕ	257
33. ВСЕ МЫ СИЦИЛИЙЦЫ	272
34. ГРАН-ГИНЬОЛЬ	278
35. ГЛУБОКОУВАЖАЕМЫЙ ДЕПУТАТ	282
36. БОТИНОК	288
37. ХОЧЕШЬ ЛИ ТЫ	295
38. В СООТВЕТСТВИИ СО СТАТЬЯМИ ЗАКОНА	301
39. НОЧНОЕ	307
40. ТЕЧЕНИЯ	310
41. СОВЕТ ОДОБРЯЕТ	315
42. МИШЕНЬ	324
43. ФАНТАЗЕРЫ	325
44. КАЛЬДЕРОНЕ	331
45. УЖЕ НЕ СЕЗОН	338
46. ДЕМОНТАЖ	343
47. ФЕНОМЕН	348
48. КАК БЫ МИРНЫЙ ДОГОВОР	354

49. ПРОИГРЫВАЮЩИЕ	360
50. ВОРОН	365
51. Я ВСЕГДА ДУМАЮ О ТЕБЕ	370
52. СИНЯЯ СУМКА	378
53. ДУШЕГУБЕЦ	386
54. ЧЕЛОВЕК С ТРУБКой	391
55. БАТТАЛЬЯ ЗНАЧИТ БИТВА	397
56. СВИДЕТЕЛЬ НА СВАДЬБЕ	403
57. СВЯЗЬ ЧЕРЕЗ ДУОМО	409
58. СУД ВТОРОЙ ИНСТАНЦИИ	413
59. КАКАЯ ЕЩЕ МАФИЯ	417
60. УПРАЖНЕНИЯ В НОРМАЛЬНОСТИ	425
61. ЗОЛУШКА	431
62. НИКОГДА ТАК НЕ ГОВОРИ	439
63. В ПРЯМОМ ЭФИРЕ	445
64. ЖЕЛЕЗНАЯ БОЧКА	451
65. СУПЕРШТУКА	458
66. ТА ЕЩЕ ПРОБЛЕМА	462
67. СЛАДКАЯ ЖИЗНЬ	465
68. ПРОГНОЗЫ	477
69. ГОРЯЧАЯ ПОЛЕМИКА	479
70. БЕЗ ОТПУЩЕНИЯ ГРЕХОВ	482
71. ХВАТИТ ПОСРЕДНИКОВ	488
72. ДВАЖДЫ РОЖДЕННЫЙ	494
73. ПУТЬ ЛЮБВИ	500
74. МЯСО ПРИВЕЗЛИ	505
75. ОДИНОЧЕСТВО СМЕЛЫХ	517

1

ПЛАМЯ

КОРЛЕОНЕ, 1943 ГОД

Земля трясется от грохота. Дальше только камни. Камни, обрывки ткани и сломанные кости.

Казалось, что было, то прошло, дьявол уже не бьет в свой барабан, и свист, взрывы и разрушения войны ушли с небесной дороги. По крайней мере, металл уже не хлещет с неба дождем. К середине лета и бомбардировки прекратились. Тогда что же случилось? Почему покосились кресты на стенах?

На виа Руа дель Рьяно разверзся ад. Дома Джованни и его семьи больше нет. Кто-то стоит, оцепенев, перед развалинами и пламенем, глядя поверх облака серой пыли.

Среди развалин остался только юный Сальваторе, он еще жив. Жив и Гаэтано, его брат. Он, весь в крови, корчится на земле. Остальные мужчины в семье погибли.

До сих пор казалось, что ад от Корлеоне далеко. Здесь работают, молятся и заводят семьи.

Так тих сон этих деревень, что чужаки, если им почему-то придется оказаться здесь, ступают по земле легкими шагами, опасаясь, что она вдруг проснется, что комья почвы вдруг раздвинутся и, пока на поля дует горячий бестолковый ветер, из недр земли со злобной издевкой прогремит вопрос: *Несчастные идиоты, вы и правда верили, что эта земля спит?*

В здешних местах земля просыпается куда раньше солнца. Она начинает дышать, пока еще темно. Потягивается, разминает

члены. Кажется даже, что она зевает, что ее горячее дыхание лениво поднимается над фруктовыми садами.

Вместе с землей просыпаются и люди.

Сегодня утром Джованни погрузил трех сыновей на телегу, когда солнце было еще еле теплым. Мул нехотя побрел по виа Руа-дель-Пьяно, и под цоканье его копыт они, три мальчика, то и дело засыпали, но Джованни уже видел перед собой новый день и смотрел вперед, держа вожжи. Низкие серые строения постепенно оставались позади, и по обе стороны от дороги за невидимой границей, окружающей Корлеоне, открывались широкие поля. Состоит эта граница из церквей: Святого Михаила Архангела, Святого Бернарда, Святого Николая, дальше — Святого Луки, Богородицы, Святой Марии Магдалины, Благовещения Пресвятой Богородицы, Святого Иоанна Евангелиста и снова Святого Михаила Архангела. Если соединить их друг с другом, образовалась бы крепостная стена. И это не считая церквей внутри городка. Если на продавленных кроватях в этих старых домишках, где часто живет вся семья плюс собаки, свиньи и курицы, порой не хватает места для христиан, то для святых место всегда найдется. Они свисают с изголовий, цепляются к стенам, отражаются в дверцах шкафов и стеклах буфетов.

У Джованни три гектара земли в контрадах¹ Марабино, Фраттина, Сан-Кристофоро и Маццаддиана. Мало, но ему хватает. Все земля вокруг когда-то принадлежала невежам-баронам, которые хвалились, что могут доехать до Палермо, не покидая пределов своего поместья. Так оно и было. И ничего удивительного, что сегодня в сельской местности, полной овец, рожковых и оливковых деревьев да виноградников, — причем все это принадлежит одному человеку и раньше принадлежало одному, и так далее на протяжении веков — в краю несчастных батраков и крестьян, арендующих землю у хозяина, в краю собак, пожирающих других собак, чтобы не умереть с голоду, владеть тремя гектарами земли и хотя бы раз в день есть досыта уже считается удачей.

¹ Районах. — Здесь и далее примеч. перев.

Джованни по-своему человек удачливый. Среди морщин его лица, сожженного солнцем за сорок шесть лет, и в самом деле скрывается кроха благодарности. Каждый день он гнул спину в поле, каждый вечер у него болели руки, но чего-то он за свою жизнь добился. На его памяти не было ни дня, когда бы он не рвал жилы, и когда он не рвал жилы себе, случалось, что он рвал их кому-то другому — королевские карабинеры Корлеоне отметили в его личном деле, что он “субъект, склонный наносить ущерб людям и чужому имуществу”.

Но сегодня Джованни и его три сына, Сальваторе, Гаэтано и Франческо, поехали искать среди кустов не чужое имущество. Искали они, так сказать, дары неба. Американские бомбы. Железо, порох, металл, который можно использовать, продать или обменять. Бомбардировщики роились и жужжали в сицилийском небе, оставляя среди комьев почвы выводки драконьих яиц. А теперь кто хочет, тот увидит, как они блестят на солнце, полупогребенные под землей.

Прочесав поля вокруг Корлеоне, они кое-что нашли: взрывное устройство *made in USA* и снаряд.

Двенадцатилетнего Сальваторе все зовут Тото. Он старший и самый крепкий, хотя даже не дорос до ста шестидесяти сантиметров. Его сила пригодилась, чтобы погрузить бомбу и снаряд на телегу.

— Тихонько! Тихоооонько! А то как рванет.

— Давай! — закричал Тото Гаэтано, стоя на коленях в кузове. — Тяни...

Гаэтано и Франческо завернули бомбу и снаряд в холщовый мешок, а Джованни смотрел на них, кусая пальцы.

— Все вместе взлетим, осторожнее... С грохотом и огнями...

Снаряд выпал из мешка и прокатился до дальней стенки кузова.

— А! — Джованни укусил кулак. — Давай!

Мальчишки смотрели на него с ужасом, его тяжелая мозолистая рука — того и гляди ударит — страшила их больше, чем опасность взлететь на воздух.

— Праздник огней Святого Луки уже прошел, попробуем вернуться домой целыми, ехаем.

И так, разместив снаряд и бомбу на соломенном тюфяке, чтобы они не шибко подпрыгивали по дороге, все мужчины семьи уже к вечеру двинулись домой. Мул шел не торопясь, и только через час они снова увидели груды серых крестьянских домишек, покрытых покоцанной черепицей и полных святых, распятий и молитв, на которые святые никогда не отвечали.

Гаэтано смотрел на дорогу и говорил с отцом о том, что завтра надо бы распахать участок Маццадиана. Только Франческо удалось вздремнуть по дороге домой, с двумя снарядами между ног. Тото не проронил ни слова. Он смотрел в небо, грыз ногти. Отвесил подзатыльник младшему брату, когда они приехали в Корлеоне.

Они спрыгнули с телеги на углу виа Руа-дель-Пьяно и виа Равенна, Джованни растянул полотно на земле, взял бомбу и положил ее на ткань. Он хотел обезвредить ее здесь, на улице, у двери в свой дом.

Он склонился над взрывным устройством. Две старухи, которые шли по виа Равенна, увидели, что его спина прикрывает что-то вроде торпеды. Он не раз стоял так, когда чинил оси телеги, доил овец, собирал бобы. Только сейчас он играл с семьюдесятью килограммами взрывчатки под окнами тысячи христиан, которым и так уже перепало немало несчастий. Старухи бросили взгляд на трех бедолаг, которые притулились к стене и глядели, как трудится их отец. Тото злобно усмехнулся в ответ, он гордился отцом, который дерзко приручал смерть, отдирав от нее кусок за куском и превращал их в деньги.

Джованни быстро обезвредил бомбу. Он ее, пожалуй, продаст. Неважно кому. Несите ваши денежки, а дальше уже не его дело. Металл, запчасти, порох — эти американские бомбы что твои свиньи. Все идет в дело. Лучше трюфелей, да и найти их куда легче. Только вот они иногда взрываются.

Но Джованни прекрасно знал, как обращаться с такими стальными трюфелями. За несколько секунд он расправился с носовым и хвостовым взрывателями — он даже не знал, для

чего они нужны, но знал, как их открепить. Теперь бомба обезврежена.

А снаряд и так не представлял опасности. На кончике он треснул, и пороха внутри не было. Джованни с ребятами его повсякому вертели, точно не было. Пустой внутри. Но железо пригодится.

Такой он был безвредный, что Джованни сказал ребятам отнести его в дом, дом-полустойло и полуцерковь, где никогда не замолкали животные.

Женщин дома не было. Мария-Кончетта ушла по делам со старшей дочерью, Катериной, и младшей из детей, Арканджелой. Они брели по одной из улочек городка медленно, устало — Мария-Кончетта была на восьмом месяце, живот большой, точно три арбуза. Они не видели, как Джованни взял камень, переступил через порог и резко, решительно ударил по кончику снаряда. А вот мальчики видели. Они стояли за спиной отца, когда снаряд взорвался с оглушительным грохотом и пламя охватило дом.

Теперь Тото никак не может узнать своего отца. Всего мгновение назад тот стоял, что-то бубня и, словно мельница, размахивая сильными руками, шишковатые пальцы сжимали камень, а теперь части его тела повсюду, на стенах и на полу вспоротого дома. И маленького Франческо постигла та же судьба. Газтано лежит, свернувшись клубком. Осколки железа вошли ему в правую ногу, поранили лицо и шею.

Только Тото стоит в аду огня и отчаяния без единой царапины. Отныне он глава семьи — единственный мужчина из семьи Риина, оставшийся невредимым.

Пламя танцует вокруг Тото, не трогая его.

Среди плача и отчаянных воплей кто-то из людей, собравшихся на дороге, кричит: “Чудо! Чудо!”

2

ВЕСЬ ПРАЗДНИК ИСПОРТИЛ

ПАЛЕРМО, 1982 ГОД

И кому нужно, чтобы сегодняшний день отличался от вчерашнего?

Вот какой вопрос задает себе директор сберегательной кассы, заходя в бар деи Мираколи, расположенный прямо напротив банка. Владелец бара кивает и улыбается, приветствуя его. Человек за стойкой тоже его приветствует:

— Директор.

Он снимает шляпу, кладет ее на стойку и ждет привычного кофе с привычной бриошью, которые появляются в рекордные сроки в сопровождении стакана воды с газом. Директор, наклонив голову, внимательно их рассматривает. Оценивает.

Кофе приличный. Бриошь тоже. Вроде нет в этой булке ничего особенного, но она только из печи, еще горячая, а значит, баланс определенно положительный. Он всегда чувствует благодарность, глядя на положительный баланс как у вкладчиков банка, так и на собственном счете.

Поэтому, кусая бриошь и чувствуя, как сахар тает у него на языке, директор уже знает ответ на свой вопрос. Перемены никому не нужны.

Директор надевает шляпу и выходит из бара. Пересекает площадь, опустив взгляд, в правой руке болтается кожаный портфель.

Подойдя к западной части площади, где арки Сицилийской сберегательной кассы придают несколько претенциозный вид

зданию, построенному в начале девятнадцатого века, директор начинает игру, которую практически без изменений повторяет каждое утро. Он считает разницу в сантиметрах между сегодняшними и вчерашними шагами до входа в здание. Кто знает, может быть, однажды он сможет достичь совершенства и полностью повторить вчерашние шаги. Но, насколько ему известно, игры хороши, пока никто на самом деле не выигрывает.

И все же сегодня что-то изменилось. Переступив порог и не поднимая глаз, он чувствует на себе пристальные взгляды. Чувствует, что за ним наблюдают. На расстоянии нескольких метров от его кабинета двое мужчин в форме разговаривают с секретаршей. Один из них, тот, что пониже, улыбается ей, опершись локтем о письменный стол. Но, едва заметив директора, оба принимают официальный вид. Мужчина — не тот, что опирался о стол, а другой, — не говоря ни слова, протягивает ему конверт.

— Директор, — вступает секретарша, — агенты принесли...

— Судебный запрос, — перебивает ее низенький, вдруг меняясь в лице.

Директор берет конверт. Переводит взгляд с секретарши на сотрудников финансовой полиции. Пытается улыбнуться, но на лице его появляется лишь кривая ухмылка.

— Могу я узнать, в чем дело?

— Э, — говорит женщина, — я тоже спросила, но...

— Ни в чем, директор. Это письмо из Следственного отдела.

— Ах вот как... И о чем же? — снова спрашивает он.

Но он уже прекрасно знает, что это за письмо. Он знал, что рано или поздно оно придет, пусть в нем и жила слабая, но все же надежда, что этого не произойдет. Сегодня эта надежда разбилась.

— Прочитайте, директор. Мы должны только уведомить вас. Подпишите здесь, пожалуйста.

Директор подписывает. Двое полицейских из финансовой гвардии (у обоих текущий счет в Сицилийской сберкассе) пожимают ему руку и чуть ли не снимают в знак уважения свои береты,

а потом уходят по коридору. Стук их каблуков отскакивает от стены к стене, пока директор с секретаршей с сомнением смотрят друг на друга.

Зайдя в кабинет, директор снимает шляпу и вешает ее за дверь. Садится за письменный стол и ножом для бумаг открывает конверт. Рассматривает сложенный лист бумаги, вертит его в руках, точно игрок в покер. Он будто ухаживает за этим письмом, пробует задобрить его легкими движениями пальцев, зная, что оно определит будущее его руки и, может быть, тех, кто выше него.

Руки директора слегка дрожат.

Наконец он решается.

Письмо весьма краткое. Тем не менее он читает и перечитывает его в течение нескольких минут. Некоторым образом директора даже успокаивает то, что это случилось и с ним. Как говорят, угроза страшнее исполнения. С этой минуты угрозы больше нет, есть только проблема.

Настоящим письмом Следственный отдел города Палермо в интересах ведущегося следствия просит в кратчайшие сроки предоставить нижеподписавшемуся следователю Джованни Фальконе справки обо всех операциях по обмену валюты с января 1975 года по настоящее время, совершенных кредитной организацией, директором которой Вы являетесь.

Директор кладет письмо на прочный столик красного дерева и поворачивается к окну. И сегодня утреннее солнце, как всегда, освещает большую комнату, окна которой выходят на площадь. Он поднимает трубку телефона, стоящего справа от него, — еще один стоит слева — и нажимает на кнопку.

— Соедини меня с директором Банка Сицилии.

Он несколько минут трет подбородок, глядя в пустоту, потом звонит телефон. Секретарша переключает его на директора банка.

— Мне тоже пришло.

— Добро пожаловать в клуб, — отвечает коллега.

Он вешает трубку, не сказав больше ни слова, и снова принимается смотреть в пустоту. Так он сидит один больше четверти часа. Никто не заходит в кабинет, сотрудники знают, что утром директора можно беспокоить только по самым срочным вопросам, потому что в это время он листает газеты.

Потом, когда он чувствует, что по крайней мере на пару часов может отложить это дело, звонит телефон.

— Директор Сельскохозяйственного и ремесленного банка просит...

— Хорошо, хорошо, соедини меня с ним. Тебе тоже пришло? — сразу спрашивает он.

Тому тоже пришло. Видимо, прокуратура Палермо разослала серию писем. Теперь, наверное, весь список банков охвачен. Голос коллеги такой же напряженный, как и у него самого, не то что по четвергам вечером, когда они собираются поиграть в карты.

Похоже, что сегодня, к сожалению, все будет не как вчера.

На следующее утро перед “притоном” наблюдается странное бурление. “Притоном” в прекрасной Италии пренебрежительно называют здание суда. В особенности в Палермо, где суд — настоящий лабиринт из мрамора и бетона со строгим фасадом, простыми интерьерами и тяжелыми колоннами. Если к этому добавить, что никому не хочется оказаться в суде, наименование более чем заслуженное.

Бурление странное не столько из-за того, что почти все собравшиеся одинаково одеты — темные костюмы, галстуки, портфели, — но из-за того, кто они: это не обычные адвокаты, судьи, секретари и помощники.

Перед входом в суд припаркованы несколько дорогих автомобилей. Водители прислонились к своим машинам в ожидании больших шишек, которых они привезли в суд.

Внимание прохожих привлекает внезапный звук шлепка, сопровождаемый недовольным бормотанием. Шоферы собрались возле автомобиля с темными стеклами и играют в карты на

капоте. Один из них, к большому неудовольствию коллег, только что выкинул трефового туза.

Придется еще немного подождать, прежде чем вернутся начальники. Шоферы не знают, в чем дело и сколько им еще здесь торчать, но тот факт, что они оказались здесь все вместе, ничего хорошего не предвещает. По крайней мере, ничего быстрого.

Их начальники по большей части — директора банков, но есть и более или менее видные местные политики. Никто, кроме завсегдатаев “притона”, увидев их в коридоре, не заметил бы разницы.

Привычный ход дел в здании суда нарушает сдержанная, но безумная энергия. Обычно только молодые торопятся из одного кабинета в другой, а пожилые берегут силы и стараются с кресла не вставать. Но сегодня заторопились седые. И заметьте, они не судьи. И даже не адвокаты.

— Без повестки следователь вас не примет, — говорит секретарша мужчине в двубортном пиджаке, которого, вероятно, сопровождает шофер или, так сказать, мальчик на побегушках, он стоит позади и держит портфель.

— Так у меня повестка. Я получил письмо от Фальконе, если уж это не повестка...

— Это не повестка, а официальный запрос. Если вы хотите поговорить с синьором Фальконе, запишитесь...

— Никуда я записываться не буду. Так вот, пожалуйста, сообщите его превосходительству Пиццилло, который, насколько мне известно, все еще руководит этим... заведением, что я здесь и хочу его увидеть. Возьмите мой документ. Антó, портфель, — говорит мужчина своему верному слуге.

Тот ставит портфель на подоконник и роется в нем.

— К синьору Пиццилло нужно подняться по лестнице... Извините, но вам назначено?

— *Назначено?* — с отвращением спрашивает мужчина в двубортном пиджаке.

— Да. Если не назначено, к нему нельзя.

Мужчина несколько секунд смотрит на нее не дыша.

Потом выдыхает. Поворачивается к слуге.

— Ну, пошли, — говорит он, удаляясь по коридору. В эту минуту телефон на столе секретарши снова принимается звонить, как он звонил без перерыва до появления парочки.

— Следственный отдел. Нет, синьор Фальконе не... Да, я поняла, но я не могу соединить вас. Нет, не только вас, он вообще не может ответить на звонок...

Секретарша возводит взгляд к небу.

Человек шесть ждут приема под дверью генпрокурора Пиццилло. Охранник, который сидит за деревянной стойкой, время от времени шикает, чтобы они не шумели, и возвращается к своей газете. Из кабинета доносятся два возбужденных голоса. Говорят громко, но о чем речь, не разберешь. Иногда, однако, ожидающие улавливают какие-то обрывки. Все они готовы повторить эти слова: “мы погибли”, “следствие”, “Сицилия” и многократное “блядь”. Кто-то кивает, кто-то выписывает нервные круги. Когда в сопровождении своего верного слуги появляется еще один посетитель, все с ним здороваются.

— Вот видишь, — говорит этот мужчина, такой худой, будто умирает с голоду, которого он, судя по золотым запонкам и наручным часам, никогда не испытывал, — только нас не доставало. Теперь синьору Фальконе есть что отметить, он вычеркнул все имена из своего списка. Наверное, не хватает только...

Но вот еще один подошел.

— Напророчил! — говорит коллега и хлопает его по плечу. Они смеются. Тут как раз открывается дверь.

— Ваше превосходительство, — говорит один.

— Джованни, — приветствует его другой.

— Синьор председатель, — вступает третий.

Пиццилло обводит их взглядом, пожимает плечами и говорит:

— Входите.

В кабинете генерального прокурора руки ныряют в карманы элегантных пиджаков, одна за другой щелкают зажигалки. В несколько мгновений кабинет наполняется дымом.